

О.Г. Сидорова

АНТРОПОНИМ В ТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

Являясь одним из древнейших видов деятельности человека, перевод приобретает новый статус в середине XX в.: происходят значительные изменения, сказавшиеся на самом характере переводческой деятельности, на требованиях, предъявляемых к переводу и переводчикам. Возникает лингвистическая теория перевода (переводоведение), поскольку лингвистические аспекты играют в процессе перевода ведущую роль. Существенным, однако, представляется тот факт, что реально при переводе сталкиваются не только разные языки, но разные культуры, личности, складывающиеся эпохи, литературы, уровни развития, установки, ценности, традиции.

Рассмотрим в связи с этим одну переводческую проблему: существование имен собственных, прежде всего антропонимов, в текстах оригинала и перевода на материале русского и английского языков. Большинство текстов переводятся сегодня с английского или на английский, который стал языком международного общения, но в России интерес к этому языку, а следовательно, и переводы с английского возникли заметно позже, чем интерес к другим иностранным языкам, прежде всего к французскому и немецкому. Это отчетливо проявляется при анализе иностранных имен собственных в русских текстах XIX в.: так, у А.С. Пушкина именно английские имена переданы неупорядоченно. В его статье «Байрон» (1835) встречаем: «он увез супругу лорда Carmar», «мисс Gordon, единственная дочь и наследница Георгия Гордона», «mistriss Байрон», «леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Байрона», «мистрис Байрон», «mrs Байрон»¹. В других текстах А.С. Пушкина имена английских писателей (*Byron, Walter Scott, Wordsworth, Southy, Shakespeare, Walpole, Coleridge* и др.), а также их героев (*Child-Harold, Manfred, Lalla-Rookh* и др.) постоянно используются в английском варианте:

Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он.

«Евгений Онегин»

Сегодня при передаче с английского языка на русский имен собственных действуют несколько традиций, причем, по мнению опытного переводчика И. Бернштейн, «даже имея в своем распоряжении набор правил и резонансов, переводчик в конечном счете действует, подчиняясь интуиции, поступает, по русскому выражению, как бог на душу положит»².

Теоретически для передачи иностранных антропонимов в языке перевода существуют три основных способа: *транскрипция, транслитерация, собственно перевод*. На практике предпочтение зачастую отдается первым двум, однако следует признать, что ни один из этих способов не может быть признан универсальным, каждый имеет свои ограничения. В русском и английском языках аналогичные звуки звучат по-разному, кроме того, в каждом из языков есть звуки, отсутствующие в другом, что в ряде случаев затрудняет транскрипцию. Отсюда – существующие варианты *Ватсон /*

¹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1962. С. 316–317.

² Бернштейн И. Английские имена в русских переводах // Иностранная литература. 1998. № 4.

Уотсон (англ. *Watson* [ˈwɒtsn]), *Шой / Шо* (вариант, предложенный профессором А. Аникстом) (англ. *Shaw* [ʃɔː]) и др.

В некоторых случаях результаты транскрипции неприемлемы: они неблагозвучны или вызывают у читателей перевода ненужные ассоциации. Так, русское название автомобильной марки «Жигули» было заменено на западном рынке на «Ладу» (ср. англ. *gigolo*), а название сборника Р. Киплинга «*Puch of Puck's Hill*», которое в ранних русских изданиях звучало как «Пак с холмов Пука» было впоследствии заменено на «Пак с волшебных холмов».

В тех случаях, когда транскрипция по каким-то причинам неприемлема, возможно использование транслитерации. Исторически в ряде случаев транслитерация английских антропонимов предшествовала современной транскрипции: в XIX в. роман «*Ivanhoe*» переводился «Ивангое» (совр. «Айвенго»), *Newton* был *Невтоном* (совр. *Ньютон*), *Uraih Heep* – *Урией Гупом* (совр. *Юрайа Хун*) и т.д. Еще один фактор, который влияет, и не может не влиять, на передачу англоязычных имен в русском языке – культурно-историческая традиция: в русскую культуру вошли транслитерированные имена *Гамлет* (*Hamlet*), *Вальтер Скотт* (*Walter*), *Исаак Ньютон* (*Isaak*) – хотя сегодня эти имена были бы отражены – и отражаются, когда речь идет не о вышеупомянутых личностях, – как *Хэмлет*, *Уолтер*, *Айзек* (например, *Айзек Азимов*). Разнобой присутствует и при передаче русских имен на английский язык: *Yeltsin/ Eltsin*, *Yekaterinburg / Ekaterinburg*, *Dostoyevsky / Dostoevsky*. Русские имена, в которых присутствует буква и звук [ш], не только тяжелы в произношении для носителей английского языка, но и уродливы внешне *Shchedrin/ Щедрин*.

Транскрипция и транслитерация являются способами передачи личных имен в иноязычном тексте, при которых, как правило, не получают отражения прагматический элемент, социальный статус имени, его эмотивная составляющая (русские суффиксальные образования передаются в английском с большими потерями), ассоциативный фон, языковая игра, каламбуры, аллюзии и многое другое. Особую актуальность представляет эта проблема при переводе художественных текстов, где имена включаются в систему контекстуальных и интертекстуальных связей, становятся неотъемлемым элементом произведения. Приведем в качестве примера роман современного автора Б. Акунина «Коронация» (место действия – Россия, конец XIX в., повествователь – дворецкий одного из великих князей Афанасий Степанович Зюкин). Рассуждение об именах:

Из хорошей дворцовой семьи, да оно и по имени-отчеству видно – Дормидонт Кузьмич. Все наши, из природных служителей, получают при крещении самые простые, старинные имена, чтоб в мире был свой порядок всякое человеческое существо имело прозвание по своему назначению (отметим, что в романе в качестве «служителей» фигурируют также *Прокон Свиридович*, *Фома Аникеевич*, *Лука Емельянович*. – О.С.). А что это за лакей или официант, если его зовут каким-нибудь Всеволодом Аполлоновичем или Евгением Викторовичем? Один смех да путаница¹.

Кроме того, герой в тексте романа назван: Афанасий (на «ты» и на «Вы»), Афанасий Степанович, «наш верный гоф-курьер Афанасий Зюкин», «Афоня, лакейская душа», «Афон! Афон!» (обращение четырехлетнего ребенка), «Атанас» (обращение француженки, говорящей по-русски), «истинный самурай, Фома-сенсей» (японец, говорящий по-русски), а также «*mister Zyukin*» и «*monsienour Zyukin*». Налицо сложная система личных и социальных отношений, обыгрывание комического звучания фамилии в разных вариантах, что, очевидно, не может быть передано на иностранный язык традиционным способом. Само имя героя *Афанасий* относится к тому ряду имен, о которых

¹ Акунин Б. Коронация. М., 2001. С. 73.

А.С. Пушкин писал в комментариях к «Евгению Онегину»: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филарет, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами»¹. *Афанасий* в переводе с греческого – ‘бессмертный’. Пушкинское примечание об именах имеет, кроме литературного, и собственно лингвистический смысл: противопоставление «своего» и «чужого» в языке относительно и неоднозначно.

Согласимся с утверждением А. Вежицкой, что «личные имена что-то значат – и не только с этимологической, но и с синхронной точки зрения. Они несут важные прагматические значения, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений»².

Третий способ передачи чужих имен в тексте – собственно перевод.

Насколько корректно ставить вопрос о переводе применительно к личным именам? В классических трудах по теории перевода (Я. Рецкер, Л. Бархударов, В. Комиссаров) имена собственные характеризуются «непереводимостью», они относятся к безэквивалентной лексике, их связь с национальной традицией роднит их с реалиями, поэтому потеря семантики и/или символического звучания в языке перевода, которые неизбежны и при транскрипции, и при транслитерации, рассматриваются как «меньшее из двух зол по сравнению с переводом или подстановкой» и «нельзя вменить в вину переводчику, если он не отразит их символичность... выйти из этого положения без потерь почти невозможно»³. Смиряться со смысловыми и эстетическими потерями, классическая теория перевода весьма неодобрительно относится к собственно переводу и замене имен: «Имя собственное как правило при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение может подвергаться и переводу; иногда оно терпит и большие на себе посягательства»⁴.

Отечественные переводчики классической английской литературы много лет работали, следуя установке на непереводимость личных имен. Романы Ч. Диккенса, В. Теккерея, У. Коллинза, сестер Бронте и других прозаиков XIX в., которые в большинстве своем ярко и часто используют ресурсы антропонимов, переведены на русский язык со значительными потерями. Приведем в качестве примера отрывок из романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда» в переводе А. Кривцовой и Е. Ланна:

- ... Я говорю о вашей служанке.
- Пэгготи – сказала моя мать.
- Пэгготи! – с некоторым негодованием повторила мисс Бетси. – Неужели вы хотите сказать, дитя, что какое-то человеческое существо получило при крещении имя Пэгготи?
- Это ее фамилия⁵.

И далее по тексту:

- Ты помнишь мою бабушку, Пэгготи? – спросил я.
- Заклинаю тебя, дитя мое, не называя эту женщину именем, которое услышишь разве что на островах южных морей! – воскликнула бабушка. Если она вышла замуж и отделалась от своей фамилии – а лучше этого она ничего не могла придумать – то почему же не дать ей воспользоваться преимуществами такой перемены? Как тебя теперь зовут, Пе?

Это был компромисс, несколько примиривший бабушку с неприятным для нее именем.

- Барсис, сударыня, – приседая, сказала Пэгготи.
- Ну что ж! Это звучит по-человечески, – сказала бабушка.
- Оно звучит так, что ты уже не нуждаешься в миссионере⁶.

¹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т.5. С. 194.

² Вежицка А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Вежицка А. Язык, культура, познание. М., 1996. С. 192.

³ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 223.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Цит. по: Диккенс Чарльз. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957–1960. Т. 15. С. 16.

⁶ Там же. Т. 16. С. 74.

Смысл этих диалогов становится понятным русскоязычному читателю, только если он прочтет «Комментарии», помещенные в конце книги: «Пеггоги – это имя напоминает слово *пейген* (англ. *pagan*), то есть язычник»¹.

Не переводятся в вышеуказанных произведениях и говорящие имена, подпадая под общее правило, они транскрибируются или транслитерируются, т.е. из перевода убирается элемент авторского замысла, авторская характеристика героев, языковая игра. «Игра» на именах и названиях – лишь один вид игры слов, с которой так часто сталкивается переводчик... Это всякий раз сложно и подчас спорно. Бесспорно одно: необходимо искать какие-то замены, чтобы не тускнели краски автора и ничего не терял читатель. Что-то выйдет удачно, что-то похуже. Одно плохо *всегда* – обычное оправдание, сноска: «*непереводимая игра слов*». Это – расписка переводчика в собственном бессилии», – считает редактор и известный переводчик Нора Галь². Следует, однако, признать: многие переводы английской прозы последних лет расширяют представления о границах переводимости, в частности, в области антропонимов.

Примером может выступать перевод пьесы Т. Стоппарда «Аркадия», выполненный О. Варшавер³, для которой, кажется, нет непереводимых имен. Один из героев пьесы носит фамилию *Nightingale* (англ. ‘соловей’), но, соблюдая по ряду причин инкогнито, он просит хозяйку дома не называть его фамилию, и она тут же изобретает ему новую – *Peacock* (англ. ‘павлин’) – тоже нечто птичье, хорошо отражающее манеру поведения и внешности героя. Сохраняя основную семантику и коннотацию, переводчик также избегает русификации фамилии, и в русском варианте появляются фамилии *Солоуэй* и *Павлины*.

Другая героиня пьесы зовется *Charity* – имя, возникшее в языке в эпоху Реформации. «Имятворческая фантазия пуритан, наиболее радикально настроенных сторонников революционного движения, пополнила номенклатуру того времени “добродетельными” и типами *Charity* (англ. ‘милосердие, благотворительность’), *Faith* (англ. ‘вера, верность’), *Hope* (англ. ‘надежда’), *Prudence* (англ. ‘благоразумие’) и другими (ср. русские женские имена *Вера, Надежда, Любовь*)»⁴. Между тем в пьесе Т. Стоппарда это имя принадлежит весьма любвеобильной даме, которая дарит свое расположение нескольким героям, провоцируя серьезные конфликты между ними.

В конце XX в. исследователи разбирают архив, пытаются восстановить картину былого:

Bernard: Are you going to tell me it's different Mrs. Chater?

Hannah: Oh, no. It's her all right. None her Christian name.

Bernard: Charity. Charity. . . «Deny what cannot be proven for Charity's sake»⁵.

Подстрочный перевод:

Бернард: Ты ведь не собираешься сказать мне, что это другая миссис Чейтер?

Ханна: Конечно нет, это точно она. Обрати внимание на имя.

Бернард: Милосердие. Милосердие... «во имя Милосердия отрицание все, чего нельзя доказать» (читает цитату из письма. – О.С.).

Перевод О. Варшавер:

Б: Надеюсь, ты не потребуешь доказательств, что это та самая миссис Чейтер?

Х: Ну что ты. Наша Чейтерша собственной персоной. При, кстати, есть ее имя.

Б: Любовь? Это имя? Русское, что ли? Любовь... Так, так... «Отрицайте то, чего нельзя доказать ... во имя Любви». Я-то думал, «Любови» вместо «любви» – орфографическая ошибка.

¹ Диккенс Чарльз. Указ. соч. Т. 15. С. 518.

² Галь Н. Слово живое и мертвое. М., 1987. С. 161.

³ См.: Стоппард Т. Аркадия / Пер. О. Варшавер // Иностранная литература. 1996. № 2.

⁴ Рыбалкин А.И. Словарь английских личных имен. М., 1989. С. 13.

⁵ Там же. С. 4.

Еще один пример подобного рода. В начале XIX в. владелица имения леди Крум затеяла реорганизацию парка в духе романтизма и поручила эту работу специалисту по ландшафтной архитектуре Ноуксу. Работа движется медленно, и леди Крум упрекает Ноукса, ставя ему в пример ландшафтного архитектора предыдущей эпохи, эпохи так называемых пейзажных парков, Л. Брауна: «Наиболее удивительным садоводом-практиком (этого периода. – О.С.) явился Ланселот Браун (L. Brown, 1715–1783). Согласно легенде, его прозвали *Capability*, так как он имел привычку уверять своих богатых клиентов, что их земля имеет *great capabilities* (досл. «больше возможности») для построения садов в его пейзажном вкусе. Именно он, Капабилити Браун, создал знаменитый парк Бленема (Blenheim), доставивший ему огромную славу. С 1764 г. Капабилити Браун стал королевским садоводом в Хептон-Корте»¹. О. Варшавер переводит прозвище Л. Брауна, и в русском пьесе вместо безликого *Капабилити* появляется *Дар Браун*. Становится возможным и передача каламбура в переводе: *Lady Croom: (Returning to the window, impatiently) Where is «Culpability» Noakes?*² (англ. *Culpability* 'виновность', близко по звучанию к *Capability*).

Перевод О. Варшавер:

Л е д и К р у м (*нетерпение гонит к окну*): Где же Ноукс? Все-таки Дар Браун был воистину Дар, а Ноукс – настоящая бездарь.

В этих случаях, как и в других, переводчик отходит от требований теории и *переводит* имена, что дает ему возможность передать языковую игру, каламбуры, иронический подтекст и др., впадает в другую крайность, выполняя так называемый вольный перевод, то есть, по существу, домысливая текст оригинала в соответствии с собственными вкусами и установками. Переводчик идет в глубь текста, выявляя скрытые в нем смыслы и оттенки, отражая в переводе импликации оригинала, очевидные для носителей английского языка. Уходя от пословных соответствий, переводчик добивается эквивалентности более высокого уровня – текстового, содержательного, эмоционального, приближая текст перевода к русскоязычному читателю. Представляется, что появление переводных вариантов, трансформаций, замен антропонимов в текстах перевода открывает новые пути для переводоведения, для возможности лучшего понимания чужой культуры в рамках процесса межкультурной коммуникации, для возникновения новых интертекстуальных связей в рамках воспринимающих культуры и языка.

Л.М. Майданова

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»

Популярные екатеринбургские еженедельники «Теленеделя» и «+ все ТВ» (с середины марта 2001 г. – «Телемир») до отказа заполнены небольшими по объему публикациями, посвященными людям, которые *сделали себе имя* в области искусства, спорта, политики. Выделенный фразеологизм как нельзя лучше подходит к теме разговора. Собственное личное имя, почти лишенное значения в языке, в речи наполняется бога-

¹ Лихачев Д.С. Поэзия садов. 2-е изд. СПб., 1991. С.161.

² Там же. С. 83.